

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Сначала судьба этой песни складывалась несчастливо. Когда в августе 1941 года Василий Павлович Соловьев-Седой показал ее друзьям—композиторам и поэтам, они с редким единодушием забраковали «Вечер на рейде». Сейчас, мол, суровая война, а он сочиняет что-то тихое и грустное, не в ногу, мол, со временем.

Чем объяснить, что «Вечер на рейде», такой необычный по настроению, родился именно в начале войны? Василий Павлович вспоминает: «Я работал тогда в порту на выгрузке дров. Вечер был тихий и ясный. На рейде стоял минзаг «Марти». Мелодичные звуки баянов доносились с его палубы. Я думал о моряках, которые отдают свою жизнь, защищая морские подступы к нашему родному городу, и меня охватило горячее желание выразить в музыке их настроения и чувства. Тогда же и сложилась тема песни «Вечер на рейде».

Придумав лишь три слова — «Прощай, любимый город»,—собственно говоря, образ песни, Василий Павлович очень быстро написал музыку. Потом попросил поэта Александра Чуркина, тоже работавшего на погрузке и видевшего военный корабль, сочинить слова.

В. Соловьев-Седой организовал и возглавил эстрадный театр «Ястребок», подготовил злободневную боевую программу и уехал с артистами на фронт.

«Я видел народ на войне. Я понял тогда, что солдат—это не лакированный герой, а труженик войны, что он сражается так же, как варит сталь, пашет землю, возводит плотины. Он идет на подвиг мужественно и просто, а в час отдыха не чужд шутки, крепкого словца, лихого танца».

Поняв это, Василий Павлович тем не менее не сразу почувствовал, что его песня с самого начала была нужна. Но однажды, когда бойцы попросили спеть что-нибудь

для души, Соловьев-Седой устроился поудобнее со своим аккордеоном в солдатской землянке и спел «Вечер на рейде». Слушатели подхватили песню, и вскоре она, опережая «Ястребок», стала «визитной карточкой» театра во всех частях фронта.

Песня прошла по фронтам, побывала в тылу врага. «Праздник (25-й годовщины Октября.—Л. С.) закончился концертом партизанской самодеятельности. Началось с хорового пения. «Прощай, любимый город!»—эту песню знали все. Запевали несколько голосов, весь наш ансамбль подхватывал». (Из книги Героя Советского Союза Д. Медведева «Это было под Ровно»). «И ранней порой мелькнет за спиной зеленый мешок вещевой»,—пели, как свидетельствует в своих мемуарах И. Козлов, крымские партизаны. У партизан Италии на мотив «Вечера...» были свои слова — о девушке—участнице Сопротивления.

Живет «Вечер на рейде» и в наши дни. Но по каким внутренним законам он живет, иными словами, в чем секрет его обаяния? Ведь как будто и тема прощания, звучавшая еще в довоенных песнях («Дан приказ...» и другие), сейчас утратила свою

драматическую ноту. Вспомните у Э. Колмановского — «Вы служите, мы вас подождем» («Нет войны, вы вернетесь живыми»). Да, в военные годы для тех, кто уходил на фронт, любимыми стали «Прощайте, скалистые горы», «До свиданья, города и хаты», «Ой, туманы мои, растуманы». В них воля к победе и ненависть к врагу.

Тогда, в сорок первом, Александр Чуркин был захвачен тем же настроением, что и композитор. Стало быть, на одном дыхании, так же, как все большое, главное в жизни, создал слова «Вечера на рейде». Думаешь об этих стихах и невольно вспоминаешь другие песни, довоенные. Помнишь, у Н. Богословского — «Любимый город может спать спокойно»? А в популярной в те годы песне «Краснофлотская» были такие строки: «Ты стояла в белом платье и платком махала...» Здесь, в «Вечере на рейде», возможно, происходит как бы намеренная переключка с лучшими довоенными песнями. Но Александр Чуркин впервые сказал вместе с композитором, что любимый город, знакомый голубой платок—все, что нам дорого, пришло время отстоять в бою.

Вслушайтесь: «Ведь завтра в поход уйдем в предрассветный туман». В этой строке, в этом «ведь»—неизвестность, которая ждет в зыбком, таинственном, может, враждебном тумане. «Уходим завтра в море» — а может, не вернемся, может, в последний раз глядим не наглядимся на любимый город. «Мелькнет за кормой платок голубой» — а может, не встретимся никогда. «Пусть нам подпоет седой боевой капитан...» А почему не сказать «и нам подпоет», размер стиха не меняется? Но так лучше, точнее. Иначе уйдет подтекст, чувство, объединяющее молодых моряков и этого капитана, возможно, героя гражданской войны или участника боев в Испании. Молодые верят, что будут не хуже капитана бить врага.

Пройдя от первой до последней ноты, от первой до последней буквы, открываешь за каждым как будто бы мелким штрихом все новые мысли. Песня неисчерпаема, из нее не то что слова, но буквы не выкинешь.

Да, главный секрет «Вечера на рейде», его новизна—в точно схваченных и просто переданных чувствах тех, кому дорога Родина.

И все-таки я, как и люди моей военной юности, очень редко пою эту песню. Скорее, я переживаю ее как «Священную войну» В. Лебедева-Кумача и А. В. Александрова, как «Ой, туманы...» М. Исаковского и

В. Захарова. Потому, наверное, что все эти песни—реликвии, святыни.

Особенно волнует «Вечер на рейде» в записи, которая сделана на радио в 50-х годах. В. Бунчиков и В. Нечаев начинают задумчиво, душевно. Картина возникает сразу. Любимые очертания героического города на фоне балтийского неба. Города, доверчиво засыпающего под защитой этих моряков и их капитана. Но вот на высокой ноте женские голоса с невыразимой грустью уже отзываются на уход моряков: «На рейде большим легла тишина...» — и скорбно подчеркнутые слова — «знакомый платок голубой». Это бурный взлет высокой волны, слитный удар сердец тех, кто ушел, и тех, кто остался на берегу.

И постепенно затихающая мелодия баяна. Как последняя точка. Вернутся ли? Музыка, мелодия осветила слова, наполнила их новым чувством.

Эту запись можно считать эталонной. И как обидно подчас слышать исполнение песни некоторыми молодежными эстрадными коллективами. «Вечер на рейде» они поют, грубо исказив аккомпанемент, ритм, сам лирический задумчивый настрой песни. Даже по телевидению выступают с нею. Она им нравится, эта песня, но исполнители разменивают чистое сокровище на электрогитарные фокусы. И порой кажется, что нет заслона «поискам» тех, кому изменяет художественный вкус.

...Песня «Вечер на рейде» сегодня дорога нам, пожалуй, так же, как Седьмая симфония Д. Шостаковича, тоже созданная в осажденном Ленинграде. В душе народа живет все: симфония, картина, поэма, песня, если в них любовь к Отечеству такая же, как в его сердце, особенно перед лицом грозы, общей беды.

И такую песню понимают сердцем. Есть у Тютчева слова о России, о том, что ее «каршином общим не измерить». У песни нашей, наверное, та же «особенная стать», в нашу песню «можно только верить», как в любовь, в красоту, в жизнь, в победу. Эту веру несла каждому из нас и песня «Вечер на рейде».

Л. СЕРЕГИНА.

ЛЮБИМЫЕ

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

ПРИПЕВ:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять
Хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!

ПРИПЕВ:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман,
И берег родной целует волна
И тихо доносит баян.

ПРИПЕВ:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

7 МАЯ 1974

«ЗНАМЯ ЮНОСТИ»

Г. МЕНС